

что это? кто это? откуда в нём это взялось?» (5 : 647). Ужас, который охватывает героя, – ужас от понимания того, что может принести надломленная, искажённая цивилизацией природа человеческая в юные души, открытые и восприимчивые. «Согласно христианскому учению, – пишет А. С. Панарин, – человек пребывает в космосе, в единстве со всей тварью, но космос этот есть творение Божие и сотворён он по нравственному закону Бога Отца. “Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу; и суд Мой праведен, ибо не ищущу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца” (Ин., 5;30). Катастрофа космического отрыва происходит в недрах нового, техноцентрического видения, связанного с индустриализацией и урбанизацией. Техническая среда носит очевидно рукотворный, искусственный характер – на ней не лежит печать Богоданности» (4 : 234–235). Контраст нравственности и правдивости мира природы, и предательства, фальши мира людского, конфликт между человеком, живущим по нравственным законам природы, и человеком, душа которого искажена цивилизацией, открываются юной душе в момент её становления, открываются и рождают вечную борьбу.

В самом названии рассказа таится ответ на вопрос, что тревожит молодую душу: «Век живи – век люби», люби и будь благодарен за тот бесценный дар, что дал Бог каждому человеку, – природу, люби и храни её на протяжении всего века своего, питайся её дарами – дарами для живота твоего и дарами для души твоей.

Библиографический список

1. *Аполлон Коринфский*. Народная Русь. М., 2007.
2. *Громыко М. М., Бугаев А. В.* О воззрениях русского народа. М. 2000.
3. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Древнехристианские и Оптиные старцы // *Путь к совершенной жизни: О русском старчестве*. М., 2005.
4. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
5. *Распутин В. Г.* Деньги для Марии. Повести и рассказы. М., 2005.
6. *Распутин В. Г.* Живи и помни. Повести и рассказы. М., 2002.
7. *Сирин А. Д.* Свет распутинской прозы. Иркутск, 2007.

Д. И. Иванов

Ивановский государственный университет

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА» РУССКОГО РОКА И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ТРАГИЧЕСКИЙ ШАБАШ К. КИНЧЕВА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Вопрос о степени влияния христианских идей на эстетику русского рока 1980-х годов до сих пор остаётся открытым. Учёные, рассматривая философско-эстетический фундамент рок-культуры 80-х годов, утверждают, что христианская традиция осталась закрытой для рок-поэтов «героической эпохи». По мнению некоторых учёных, основной причиной «недоступности» комплекса христианских идей

является то, что в эпоху «героических восьмидесятых» рок-поэты активно обращаются к архаической мифологии и ритуализму, фольклору и язычеству, а второе отрицает первое. Приведём несколько примеров. А. Башлачев назвал русский рок «славным язычеством» (3 : 58). Широко известны опыты рок-поэтов в создании особой мистической атмосферы не на сцене, а через синтез поэзии и театрального действия. С. Задерий вспоминает: «Меня часто просят рассказать об инсценировке песни А. Башлачёва “Егоркина былина”. Я боюсь этой песни – но не то, чтобы такой “страшной” боязнью, а – духовной. Это некие заклинания, которые равноценны, скажем, всяким химическим средствам, которые возвращают человека обратно... Он говорил, что в Сибири... актёры местного театра решили устроить ему концерт ночью. Там стояло чучело козла, и когда он играл “Егоркину былинку”, оно неожиданно у всех на глазах поскакало. Я, говорит, сам бы никогда не поверил, если бы не увидел это собственными глазами – козёл поскакал!» (8).

На наш взгляд, активное освоение, использование русским роком мифологических конструкций, стремление создать на сцене магический, таинственный ритуал свидетельствует не об отрицании христианской традиции, а об особой синтетической природе рока 1980-х годов. Различные тенденции, идеи, часто противоречащие друг другу, сливаются в нечто единое: «На юге есть бешеный кактус. / На севере – тундра с тайгой; / И там, и сям есть шаманы, мама, / Я тоже шаман, но другой. / Я не выхожу из астрала, / А выйду, так пью вино. / Есть много высоких материй, мама, / Но я их свожу в одно» (7).

Возможность такого синтеза заложена в противоречивой природе самой рок-культуры, которая соткана из парадоксов, не поддаётся логическим описаниям и не укладывается в рамки чёткой системы. Поэтому любая попытка подвести рок-культуру под общий знаменатель выглядит абсурдно. Из этого следует, что её необходимо описывать другим языком – языком «несовпадений», парадоксальных соответствий / несоответствий, то есть искать семантические «швы» в гармоничной / дисгармоничной синтетической рок-системе.

Семантические «швы» чаще всего появляются там, где гармония, сочетание элементов синтетической системы становится дисгармоничной, формальное согласие превращается в противоречие или наоборот. В рок-культуре восьмидесятых возникают две, на первый взгляд, разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в этот период сужается диапазон тем, стиль рок-текстов предельно упрощается, доводится до плакатного схематизма (рок-композиции «Мы вместе», «Моё поколение» К. Кинчева; «Перемен», «Попробуй спеть вместе со мной» В. Цоя; «Революция», «Мальчики-мажоры» Ю. Шевчука и т. д.), но в то же время появляется ряд авторов, которые осознают важность работы с художественным словом и создают тексты, не только ставшие «классическими» для рок-поэзии, но и вошедшие в большую литературу. Ярким примером является творчество А. Башлачёва, Д. Ревякина, Б. Гребенщикова и некоторых других рок-поэтов.

Но эти тенденции не противоречат друг другу, они парадоксальным образом объединяются. Это связано с тем, что даже у тех авторов, которые идут по пути упрощения и схематизации, появляются высокохудожественные тексты (например: «Сумерки» К. Кинчева; «Бриллиантовые дороги», «Монгольская степь» В. Бутусова, «Церковь» Ю. Шевчука и многие другие).

Таким образом, провести чёткую границу между двумя группами авторов практически невозможно. Отметим, что приводимые факты не дают однозначной оценки рок-культуры 1980-х годов, но раскрывают глубинные закономерности существования и развития рассматриваемого феномена. Многогранность русского рока 1980-х годов открывается через ситуацию взаимодействия внешне разнонаправленных тенденций. Одно существует в другом.

Тот же самый механизм действует и в случае определения степени восприятия русским роком христианской традиции. Формально мифология, ритуализм и язычество полностью отрицают ситуацию освоения идей христианства, но на самом деле всё совершенно иначе. Чем сильнее внешнее отрицание, тем в большей степени христианская традиция отражается в тексте: «Дорогу выбрал каждый из нас, / Я тоже брал по себе. / Я сердце выблёвывал в унитаз, / Я продавал душу траве. / Чертей, как братьев, лизал в засос, / Ведьмам вопил: “Ко мне!” / Какое тут Солнце? Какой Христос?! / Когда кончаешь на суке-Луне!» (9 : 116); «Вот он, я, смотри, Господи, / И ересь моя вся со мной. / Посреди грязи алмазные россыпи / Глазами в облака да в трясину ногой. / Кровью запекаемся на золоте, / Ищем у воды прощения небес, / А черти, знай, мутят воду в омуте, / И стало быть, ангелы где-то здесь» (10 : 115); «Христос с тобой, / Великий каверзник! / стакан с тобой, / Великий трезвенник! / Любовь с тобой, / Великий пакостник! / Любовь с тобой!» (11 : 107).

Таким образом, всё вновь развивается по законам логики парадокса: отрицание есть утверждение; отсутствие есть присутствие; безверие превращается в веру; зло в добро и т. д.

В результате действия этих механизмов рок-поэты смогли воплотить два ключевых принципа: 1) наделить звучащее со сцены слово исцеляющими исповедальными мотивами. Слово в русском роке превращается в откровение, оно первично: «Но всё впереди – а пока ещё рано, / И сердце в груди не нашло свою рану, / Чтоб в исповеди быть с любовью на равных, / И дар русской речи сберечь. / Так значит жить и ловить это Слово упрямо, / Душой не кривить перед каждою ямой, / И гнать себя дальше – всё прямо да прямо...» (4 : 69); 2) уподобить образ рок-героя пророку, несущему очищение, надежду и истину. Необходимо отметить, что в сознании поэтов христианский Бог отождествляется с языческим божеством. Бог – это образ, как Солнце. Он является не источником веры, он элемент другого мира, который противостоит окружающему: «Пока крапивою выстлан путь, / Пока в разорванном сердце / Ждешь новых рубцов, / Ты на коне! / Пока егеря не заманят в сеть, / Пока размалёванный цирк не научит скулить, / Ты будешь петь. / Солнце за нас! / Солнце за нас!» (12 : 105).

Уподобление себя пророку возлагает на рок-поэта и рок-культуру в целом ответственную «учительскую» миссию. Показательна беседа Н. Барановской с К. Кинчевым: «Н. Б.: Тебя не пугает, что те, кто приходит на ваши концерты, воспринимают тебя не просто как певца, но и как человека, от которого ждут ответов на самые трудные и больные вопросы? К. К.: Невозможно навязать себя в учителя кому бы то ни было. Люди сами выбирают себе учителей в жизни. Н. Б.: Тем не менее, поёшь: “Если ты веришь мне, ты пойдёшь за мной...” К. К.: Не “за мной”, а “со мной” я пою. То есть на равных. Я предлагаю идти всем вместе...» (1 : 121).

Освоение христианской традиции русским роком явление закономерное. Так как для противостояния мощной советской тоталитарной государственной машине, уничтожившей границу между реальностью и вымыслом, жизнью и смертью, свободой и рабством, необходимо было активизировать не менее фундаментальные мировоззренческие принципы, залегающие в сознании русского человека. Столкновение христианской традиции и советской идеологии привело к рождению эсхатологических настроений в творчестве рок-поэтов: «Апокалипсис в очереди в магазин, / Апокалипсис впереди идущих спин, / Откровение – ход на небеса! / Откровение...» (14); «Где молчание подобно топоту табуна, а под копытами воля, / Где закат высекает позолоченный мост между небом и болью, / Где пророки беспечны и легковёрны, как зеркала, / Где сортир почитают за храм, – там иду я» (13 : 105).

Рок-поэты по-разному осмыслили христианскую традицию. Для А. Башлачёва это, прежде всего, благословение на трагический путь: «Засучи мне, Господи, рукава! / Подари мне посох на верный путь! / Я пойду смотреть, как твоя вдова / В кулаке скрутила сухую грудь» (5 : 64); «Поэты идут до конца. И не смейте кричать им – Не надо! / Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала. / И вновь семь кругов бесконечного, звонкого лада / Глядят Ему в рот, разбегаясь калибром ствола» (6 : 74). Для К. Кинчева Слово Божье – это источник поэтического вдохновения: «К. К.: Помнишь, ты меня как-то спрашивала, не страшно ли мне, что все, кто меня окружает, так любят меня? Что за это однажды придется платить? Н. Б.: Помню. Ты ещё ответил, что тебе совсем не страшно, что тебе это в кайф... К. К.: Я теперь понял, что ты хотела тогда сказать... Это, и правда, страшно <...> От меня, Нина, Бог отступился... Я раньше чувствовал, что он со мной... А теперь... Н. Б.: Это только мы можем от него отойти. А он не отступает. Он с тобой... К. К.: Отступился от меня Бог, Нина... Я писать не могу... Не пишутся песни...» (2 : 22–23).

Можно предположить, что попытка синтеза религиозных и фольклорно-мифологических образов была нужна поэтам, чтобы «освятить» свою религию, показать себя равным по статусу. Отметим, что рок-поэты остро ощущали сложность и противоречивость своего нового статуса и миссии. Сначала они воспринимались и подавались как достоинство и геройство, затем как трагическое раскаяние. В результате появляются мотивы покаяния, расколотости сознания и заблуждения: «Я – церковь без крестов, / Стекаю вечно в землю, / Полузабытых мест / Печальная примета. / Я – память без добра. / Я – знание без стремлений...» (15).

Библиографический список

1. Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
2. Башлачев А. Егоркина былина // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. Л., 1990.
3. Башлачев А. Тесто // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. Л., 1990.
4. Башлачев А. Вечный пост // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. Л., 1990.
5. Башлачев А. На жизнь поэтов // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. Л., 1990.
6. Гребеничиков Б. Таможенный блюз [цит. по фонограмме «Легенды русского рока», 1998].
7. Задерий С. О СашБаше, о Кинчеве, о себе, о жизни // <http://www.yanka.lenin.ru/stat/zaderij.htm>
8. Кинчев К. Новая кровь // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.

9. *Кинчев К.* Сумерки // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
10. *Кинчев К.* Шабаш // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
11. *Кинчев К.* Солнце за нас // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
12. *Кинчев К.* Стерх // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
13. *Шевчук Ю.* Апокалипсис [цит. по фонограмме «Рождённый в СССР», 1999].
14. *Шевчук Ю.* Церковь [цит. по фонограмме «Я получил эту роль», 1988].
15. *Шевчук Ю.* Церковь [цит. по фонограмме «Я получил эту роль», 1988].

В. А. Гавриков

Администрация Брянской области

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В АЛЬБОМЕ АЛЕКСАНДРА НЕПОМНЯЩЕГО «ПОРАЖЕНИЕ»

В качестве небольшой преамбулы отметим, что в основе рассматриваемого цикла – соотнесение христианского и, назовем его условно, технократического кодов. Первый из них актуализируется в прошлом и будущем, стихия же второго – настоящее. Причем первый код является дешифрующим по отношению ко второму, профанному, иллюзорному. Оба кода прямо или имплицитно апеллируют к христианской эсхатологии, чаще всего облеченной в образы и метафоры своего (то есть «последнего») времени. Таким образом, альбом Непомнящего «Поражение» (4) есть толкование Апокалипсиса, данное с точки зрения современных идеологем, интертекстем, «мифологем» и т. п.

Существует два основных подхода к анализу циклических образований (среди которых выделяют и песенный альбом): исследование по синтагматической оси и по парадигматической. Альбом «Поражение» организован несколькими узловыми мотивами, которые встречаются практически в каждой его песне. Поэтому рассматривать его мы будем по вертикали, то есть с позиции изотопии.

МОТИВ «ЭТОГО МИРА» (СИСТЕМЫ, ВСЕМИРНОГО ГОСУДАРСТВА)

Его характеристике в цикле отводится центральное место. «Этот мир», переживающий, как уже было сказано, «последние времена», метафорически соотносится с ночью: «отпируют Вальпургиеву ночь» («На развалинах геометрии»), «ноченька бескрайняя съежится в комочек» («Апофатия»), что, вероятно, является заимствованием из православного кода. Похожий образ находим, например, в молитве Святого Василия Великого («Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти...»): «И даруй нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти...» (3 : 12). Кроме того, Христос у Непомнящего – это Солнце, которое ознаменует своим Вторым приходом Утро, то есть настоящая